

«Артисты – как девочки на дороге: сидят и ждут»

Окончание. Начало на стр. 1

О спонтанностях и перепланировках

– Когда вы читаете сценарий, знаете режиссера, оператора и художника, вы уже можете спрогнозировать, что это будет за картина?

– Нет. В кино никогда ничего не знаешь заранее. Все абсолютно непредсказуемо.

– Вам нравится эта непредсказуемость?

– Иногда – да. Иногда – нет. По-разному.

– А в жизни?

– В жизни мне предпочтительней спонтанность. Я человек, который умеет быстро реагировать на изменение ситуации, быстро принимать решение, нести ответственность и реализовывать свои решения. Поэтому мне всегда интересна спонтанность. Я очень не люблю заранее распланированный график, планы, которые, как правило, рано или поздно нарушаются. Все это вызывает только отрицательные эмоции, что, в общем, совершенно не способствует творчеству. Творчество – это радость. В муки творчества я не верю.

– Ваш интерес к дизайну – тоже творчество?

– Ну это так, совсем для души. Просто когда-то я занимался в художественной школе, потом учился на архитектора, в театре был режиссером по пластике. И может быть, потому что много занимался, а может, в силу каких-то природных данных я очень хорошо чувствую пространство. На уровне энергетики, на уровне объема. У меня есть некое ощущение гармонии пространства. Поэтому, глядя на планировку квартиры, мне очень легко представить себе, как можно сделать так, чтобы было удобно, функционально и красиво.

– А литература вас привлекает?

– Литература, на мой взгляд, влияет на театр и кино не в луч-

шую сторону. Чрезмерное увлечение литературой пагубно. Потому что искусство театра и кино – более сродни живописи и музыке. Литература не так давно, на самом деле, пришла на подмошку. Это разные принципы восприятия. Литература принципиально иной способ воздействия на человека. Она – довлеющее искусство. Однажды записанное записано навсегда. Театр точнее литературы. В нем живой человек работает по-живому. Можно прийти и увидеть чудовищный спектакль, а можно прийти и увидеть блистательную работу. Потому что сегодня – так. И это – точнее. Потому что так в жизни. Театр – вообще великое искусство, потому что в нем – синтез всего.

– А есть спектакли, от которых вы можете заплакать?

– Нет. К сожалению, мне очень трудно отделаться от профессии. И не бывает практически никогда, чтобы я совсем ушел в действие на сцене. И в этом сложность. Я смотрю, как это сделано. Не могу отрешиться и быть просто зрителем.

– У вас был опыт режиссерской работы в театре?

– Да. Во МХАТе шел мой спектакль «Арена». Я, собственно, во МХАТе и работал как режиссер по пластике под руководством Олега Николаевича (Ефремова. – «НИ»). Но с годами приходит другое понимание профессии. Не знаю, может, старею. Но сейчас я намного спокойней отношусь к театру в принципе.

– Режиссура не была вашей полной реализацией?

– Была. Просто там слишком много привходящих. Что касается сцены и зрительного зала, все, что составляет репетиционный процесс, очень люблю. И, пожалуй, реализовывался я в качестве режиссера в полной мере, как нигде. Но то, что происходит за кулисами, с некоторых пор стало раздражать настолько, что я понял, что не готов жертвовать годами своей жизни, нервной системой и здоровьем.

О Воланде, плетках и женщинах

– Вы сыграли Воланда в спектакле «Мастер и Маргарита». Вспомнилась известная строчка Булгакова: «За мной, читатель, кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь». Вы бы могли подписаться под этим утверждением?

– Для меня эта фраза одна из ключевых в романе. В этой фразе для меня вечно присутствует Михаил Афанасьевич. Вот когда я читаю эту фразу, у меня волосы встают дыбом и мурашки бегут по спине. А происходящие в сюжете чудеса – когда у Геллы удлиняются руки, когда из простреленного барона пьют кровь – все это меня впечатляет мало.

– Для вас такое чувство является основополагающим?

– Вы о любви? Да, безусловно. «Любовь, что движет солнце и светила», – написал Данте. Все, написанное о любви, – правда и неправда одновременно. Я подписываюсь под любыми словами про любовь. Потому что в ней есть все. Возвышенное и низменное, прекрасное и безобразное, радость и беда.

– «Идешь к женщине – захвати плетку» Ницше тоже верно?

СЕРГЕЙ ВЕКСЛЕР – АКТЕР, ИЗВЕСТНЫЙ ПО ФИЛЬМАМ И СЕРИАЛАМ «ЯГУАР», «ИСТОРИЯ БИЛИАРДНОЙ КОМАНДЫ», «ЖЕНА КЕРОСИНЩИКА», «МАМА, НЕ ГОРИЮ!», «ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ», «ДАЛЬНОБОЙЩИКИ», «МАРШ ТУРЕЦКОГО-2», «КАМЕНСКАЯ-2», «МУЖСКАЯ РАБОТА», «АНТИКИЛЛЕР», «ТАЙГА. КУРС ВЫЖИВАНИЯ», «ЕСЕНИН». РОДИЛСЯ 22 МАЯ 1961 ГОДА В ВИННИЦЕ. В 1986 ГОДУ ОКОНЧИЛ ШКОЛУ-СТУДИЮ МХАТ (МАСТЕРСКАЯ ОЛЕГА ЕФРЕМОВА). С 1986 ПО 2000 ГОД – АКТЕР, РЕЖИССЕР, РЕЖИССЕР ПО ПЛАСТИКЕ МХАТА ИМЕНИ ЧЕХОВА. С 2000 ГОДА – НА «ВОЛЬНЫХ ХЛЕБАХ». СОТРУДНИЧАЛ С ТЕАТРОМ РОМАНА ВИКТЮКА, УЧАСТВОВАЛ В АНТРЕПРИЗНЫХ СПЕКТАКЛЯХ.

– Смотря к какой женщине идешь. Захвати плетку, если нужно. Потом, если нужно, ее выбрось.

– Вы используете свой артистический талант для того, чтобы завоевать женщину?

– Конечно.

– Но это же запретный прием...

– Кто сказал? Все средства хороши для того, чтобы завоевать женщину.

– Но вы же в этот момент лицедействуете!

– Да.

– То есть говорите неправду.

– А кто знает, где тут правда, а где – неправда? Если мне нравится женщина, то для того, чтобы приблизиться к ней, я использую весь арсенал. Точно так же, как в драке – я всегда стремлюсь победить любой ценой. Для меня не существует других вариантов, кроме того, который ведет к победе.

– А вы когда-нибудь дрались по-настоящему? Не в кино?

– Нет, вы знаете, нет. Никогда.

– Но вы же были спортсменом, занимались борьбой...

– Это спорт.

– А в чем прелесть побоища для мужчин?

– Да нет в этом никакой прелести! Если вы говорите о драках в кино, то это нравится, видимо, режиссерам. А раз нравится режиссерам, значит, наверное, нравится зрителю. Я лично рукоприкладства не люблю.

– А как вам жить с этим образом, созданным вами в кино?

– Да не живу я с ним! Он живет отдельно. Я забываю о нем на следующий день.

– В чем теневая сторона вашей профессии?

– В том, что мы – как девочки у дороги. Они стоят и ждут: возьмут не возьмут. Так и мы. Сидим у телефона и ждем. Вот это, пожалуй, обидно. То, что по большому счету можно было бы сделать больше.

– А что приносит вам радость?

– Все остальное. Семья, люди, которые меня окружают, рыбалка. Моя профессия. Все, что угодно. Вот солнышко светит сейчас – хорошо!

О цельных натурах и зонах

– Вы не могли бы рассказать о вашей работе в картине Кончаловского «Консервы»?

– На самом деле это маленькая эпизодическая роль, всего-навсего. Эпизод, в котором я занят, находится на периферии сюжета.

– У вас лично есть что-то общее с вашим героем?

– Конечно! Во-первых, я в свободное от актерской профессии время подрабатываю начальником зоны. Во-вторых, я по званию даже не майор, а подполковник. Настоящий, реальный подполковник и подумываю серьезно о том, чтобы вставить золотые зубы вместо своих собственных.

– Вам симпатичен ваш герой?

– Очень!

– Чем?

– Характером. Своей неумностью, своим темпераментом бешеным. Разве может быть не симпатичен такой герой?

– Вам нравятся цельные натуры?

– А вам?

– Мне – да. Но не вы меня интервьюируете, а я вас.

– Почему нет? Мы вместе интервьюируем друг друга...

Закончив беседу, он неожиданно потребовал отдать ему пленку. Получив ее, жестко спросил: «Сами сотрете или мне ее сломать?»

«Вы ведете себя безобразно! – взорвалась я. – Вы можете давать интервью или не давать. Но давать, а потом забирать пленку – это...!»

А через несколько минут он подошел ко мне с шоколадом в руке и злосчастной пленкой: «Я хотел показать вам отличие театра от литературы. Теперь вы убедились, что действие куда сильнее всяких слов. Без обид!» Шоколад был сладким и горьким одновременно. Как театр.